

МИХАИЛ ЛЮБИМОВ

И АД СЛЕДОВАЛ ЗА НИМ
Часть 1

*Жизнь и приключения
Алекса Уилки, шпиона*

ПАЛЬМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 82-32
ББК 84(2Рос-Рус)6
Л93

Любимов М.

Л93 И ад следовал за ним. Часть 1 : Жизнь и приключения Алекса Уилки, шпиона : [роман] / Михаил Любимов. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2021. — 383 с. — (Серия «Пальмира — триллер»).

ISBN 978-5-517-03438-0

Детективный роман писателя и бывшего советского разведчика Михаила Любимова об Алексе Уилки, агенте КГБ, работающем в Англии.

УДК 82-32
ББК 84(2Рос-Рус)6

© Любимов М. П., 2021
© Оформление.

ISBN 978-5-517-03438-0

АО «Т8 Издательские Технологии», 2021

*Все имена, места, образы и события
в этой книге являются художественным вымыслом,
и любое сходство с действительными ситуациями,
умершими или живыми людьми объясняется
чистой случайностью.*

Двух станов не боец, но только гость случайный,
За правду я бы рад поднять мой добрый меч,
Но спор с обоими досель мой жребий тайный,
И к клятве ни один не мог меня привлечь...

А. К. Толстой

The soul of the spy is somehow the model of us all¹.

Jacques Barzun

¹ Душа шпиона — это некоторым образом слепок с нашей души
(Жак Барзан).

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

СССР, Москва, Тверской бульвар, 23,
Михаилу ЛЮБИМОВУ, эсквайру.

Дорогой сэръ!

Памятуя наши плодотворные дискуссии о сокращении разведывательной деятельности противостоящих блоков, я рискнул прибегнуть к Вашей помощи по одному весьма щепетильному вопросу. Месяц назад, когда я покидал рыбный ресторан «Скотс», ко мне подошел человек, заявивший, что знает меня по телевизионным выступлениям (говорил он на добром ирландском языке), сунул в руки пакет и удалился, бросив на прощание: «Уилки просил опубликовать это!»

Помните ли Вы шумный процесс над австралийцем Алексом Уилки, обвиненном не только в шпионаже, но и в убийстве? Называя эту фамилию, я допускаю натяжку, ибо Уилки жил и по фальшивым паспортам, используя еще массу разных фамилий.

Вернувшись к себе на Стеноуп-террас, где, если Вы помните, мы провели немало приятных бесед за чашкой чая, я достал в библиотеке подборку старых номеров «Таймс» и внимательно перечитал весь процесс.

Алекс Уилки обвинялся в работе на советскую разведку, что он категорически отрицал, как и свое якобы русское происхождение. Держался он спокойно, смело, даже дерзко. Свидетельские показания оказались недостаточ-

но убедительными, более того, у меня сложилось впечатление, что британские спецслужбы не были заинтересованы в раздувании всего дела, а даже пытались его замять. Основная часть процесса проходила за закрытыми дверями. По слухам, значительная доля обвинений строилась на весьма драматических материалах, предоставленных американской разведкой.

Что касается загадочного убийства так и не опознанного лица, то Алекс Уилки сам признал свою вину, которую, правда, невозможно было отрицать, поскольку полиция схватила его на месте преступления. В итоге по решению суда он получил тридцать лет тюрьмы.

Связавшись со своими друзьями из секретной службы, я узнал, что незнакомец, подстергавший меня у «Скотса», является уголовником, недавно освобожденным из тюрьмы, через которого Уилки передал пакет с рукописью, опасаясь ее экспроприации. Страхи его были напрасны, поскольку тюремные власти, по устойчивой британской традиции, всячески поощряют литературные экзерсисы, учитывая их исключительно целебное терапевтическое воздействие на заключенных.

Недавно в «Таймс» я прочитал очередную статью о жизни Уилки в тюрьме. Ведет он себя в тюрьме примерно, пользуется авторитетом у заключенных и по-прежнему отрицает свое русское происхождение. Мои друзья добавили, что он много читает, делает выписки (тюремным библиотекам Англии могут позавидовать многие оазисы культуры Европы) и считает свой литературный труд забавной игрой, которая завершит его бурную жизнь.

Теперь о самой рукописи.

У меня сложилось впечатление, что Уилки отважился на жизнеописание и, возможно, даже на исповедь, прикрыв все это фиговым листком литературной формы.

Я не претендую на роль литературного эксперта, но мне не по душе ни излишний натурализм, ни манерность, ни шпионский сленг, ни постоянная самоирония, доходящая до абсурда, которые мешают читателю окунуться целиком в повествование.

Уверен, что и Вы, сэр, будучи поклонником Чарльза Диккенса и Льва Толстого, во многом согласитесь с моими, возможно, не совсем зрелыми, суждениями.

Особенно поразила меня, сэр, эзопова манера повествования, все эти шитые белыми нитками «Мекленбург», «Монастырь», «Маня» и прочие выдумки отравленного конспирацией ума. Зачем это нужно? Неужели Уилки серьезно полагал, что его художественная проза может быть использована против него для пересмотра дела или для возбуждения нового дела о шпионаже? Если он так считал, то это не делает чести его специальной подготовке: в практике судов Соединенного Королевства не было еще дел, построенных на доказательствах, взятых из беллетристики обвиняемого.

Направляю Вам рукопись и надеюсь, Вы найдете ей достойное применение.

С надеждой снова увидеть Вас в Лондоне,
искренне Ваш профессор Генри Льюис

Профессору Генри Льюису,
7, Стеноуп-террас, Лондон.

Дорогой сэр!

Глубоко благодарю Вас за рукопись и особенно за теплое письмо. Я тоже часто и с удовольствием вспоминаю наши беседы у камина и особенно Ваше выступление на конференции по поводу разрушительного воздействия шпионажа на моральное состояние общества — теме, столь близкой моему сердцу. Совершенно убежден — и тут, если помните, мы сошлись с Вами в едином мне-

нии, — что перестройка в международных отношениях невозможна, если существуют шпионаж и шпиономания.

Теперь о рукописи. Как Вы понимаете, я не преминул тут же обратиться в соответствующие компетентные органы и получил следующий ответ: «Никакого Алекса Уилки, связанного с советской разведкой, не было и нет, и весь шпионский процесс инспирировался определенными кругами, заинтересованными в нагнетании международной напряженности. Что касается лиц и событий, описанных в так называемом романе Уилки, то они целиком являются плодом явно больного воображения автора, начитавшегося триллеров Форсайта, Кленси и Ле Карре».

Тем не менее, учитывая счастливую эру гласности, я решил опубликовать это произведение, интересное прежде всего как человеческий документ и, если использовать ваш тезис, как свидетельство распада личности, ведь — увы! — тайная война наложила отпечаток на психику и поведение всех нас.

Возможно, Вам, сэр, покажется странным, но Уилки вызывает у меня чувство сострадания, несмотря на прекрасные условия, предоставленные ему в английской тюрьме. Мне трудно судить о тюремной жизни, ибо до сих пор судьба была милостива ко мне и уберегла от близкого знакомства с пенитенциарными системами.

Но, говорят, у нас в стране тюремные библиотеки, возможно, не уступают английским. Судя по мемуарам Роберта Брюса Локкарта, в лубянской тюрьме, куда он попал за участие в заговоре против советской власти, имелся отменный выбор литературы: Фукидид, «Воспоминания о детстве и юности» Ренана, «История папства» Ранке, «Путешествия с ослом» Стивенсона и множество других превосходных трудов.

Не без умысла прикоснувшись к уважаемой персоне сэра Роберта, хочу напомнить Вам слова, высказанные ему